Ульянов Михаил (75-летие) 20.11.02

Известия – 2002 – 20 ноябр. – с. 8.

Арбатское чучхе

Михаилу Ульянову исполнилось 75 лет

В последние годы чаще всего приходится встречать Михаила Александровича Ульянова на всякого рода театральных торжествах. Без него ни один уважающий себя театр не мыслит юбилейного вечера. Что ж делать, если на всю Россию осталось несколько актеров, которым еще верят. Ульянова продолжают отождествлять с сыгранными им героями. В его облике, интонации, походке, морщинах лица, как в кольцах дерева, отпечаталось время. Военное и послевоенное, при Сталине и без Сталина, советское и постсоветское. Он прошел сквозь эти времена, сохранив лицо. Этот факт требует объяснения.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Лицо и маска

Волею театральной судьбы и «говорящей» фамилии Михаилу Ульянову была уготована особая участь — государственного артиста. Как сказал бы Борис Пильняк (это он про первых большевиков сформулировал): «из рыхлой корявой народности отбор». Как и кто производит этот «отбор», неясно, но мальчика из сибирской деревни Тара «отобрали». Он стал главным «социальным героем» послевоенной — точнее, послесталинской — России. Он совершил свое «хождение во власть» и провел свою пожизненную роль с редким для этой роли достоинством. Были ГАБТ СССР и МХАТ СССР, был, если хотите, Михаил Ульянов СССР. С распадом аббревиатуры этот Ульянов не рухнул, не «разделился» и не был вынесен из актерского пантеона. Напротив, стало ясно, что «лицо» и «личина» не совпадают. Создать новую маску есть дело редчайшей актерской удачи. Не меньшая удача в том, чтобы, сотворив «маску», сохранить лицо.

В Щукинском училище он сыграл горьковского Нила. Кажется, там-то его и «отобрали». Он стал претендентом на вакантное место Бориса Щукина, повторив в обратном порядке его головокружительную параболу. Борис Васильевич ведь начал с Тартальи в «Принцессе Турандот», а закончил богоподобным Владимиром Ильичем. Щукина «прикрепили» к Ленину, Ульянова — к маршалу Жукову. Он играл его почти три десятилетия, меняя фильмы и сценарии, но сохраняя единый актерский рисунок. Он понимал, конечно, условность всей этой конструкции. Не сомневался, что это именно конструкция, при помощи которой идеология создавала и насаждала «народного героя». Кто-то должен был тащить за собой в светлое будущее упирающуюся обывательскую массу. Функция вожака и лидера была цементирующей. Народу нельзя было дать расслабиться, то есть задуматься. Страна жила окопным бытом, состояние войны или ожидание войны было постоянным и держало всех в узде. Хору нужны были протагонисты, что на советском критическом жаргоне именовалось «социальным героем». Ульянов стал протагонистом своей эпохи. Но он сумел актерски выжить и в другую эпоху, которую многие из его современников и не приняли, и не одолели.

Поэтика сопротивления

Загадка Ульянова — в тайне сопротивления актерской техники внешнему идеологическому заданию. Мир такого актера устроен на манер подводной лодки: один отсек непригоден для жизни, другой затоплен, но есть еще уголки и автономные зоны, где душа творца может укрыться. Наблюдая Ульянова много лет на сцене и в жизни, могу сказать, что он эти свои автономные зоны и перегородки надежно обустроил. Очень рано он догадался, что понятие «характерный артист» таит в себе огромную защитительную силу. Герои-любовники стареют, трагики дуреют от величия, характерный артист всегда открыт непредсказуемости «человеческого материала». Идеологическое задание тщится сломать человека, подчинить его себе целиком без остатка. Ульянов прежде всего с этого «остатка» и начинал. Директор завода (спектакль «День-деньской») у него гундосил, Алексей в «Оптимистической трагедии» оказывался параноиком в белых штанах, обалдевшим от свободы. Он придумывал своим героям тысячу иных приспособлений, которые не просто обогащали портрет, но открывали в масочных персонажах человеческое содержание.

Тему силы, лидерства и власти Ульянов сыграл не только как факт, но и как человеческую проблему, уходящую корнями в толщу нашей исторической жизни. Он перебрал актерски все варианты национального характера, имеющего отношение к этой теме. Играл Жукова и генерала Горлова, Степана Разина и булгаковского генерала Чарноту, Ленина и Сталина, Бахирева и Егора Трубникова. Каждый из них был портретирован, то есть в каждом из них актер нашел свою походку, свой говорок, ту самую точку, вокруг которой ходит человеческая душа. Он любит долго маневрировать, испытывая зрительское доверие. Он знает силу внезапного перехода от томительного маневра к резкому всплеску или оглушающему удару, который врежется в память. Он отработал свой фирменный ульяновский удар, которому невозможно сопротивляться. Матерный клич однорукого председателя колхоза Егора Трубникова, вспугнувший и поднявший в небо стаю птиц, вошел в хрестоматию советского искусства.

Несчетное количество советских вожаков и «ворошиловских стрелков» одной своей массой должны были сплющить любую актерскую индивидуальность. Характерный артист Михаил Ульянов понимал эту угрозу как никто другой. Он задолго начал окапываться, оберегая тайные живые источники, из которых питается актерская душа. Будучи по крови и воспитанию вахтанговцем, он усвоил главный принцип арбатского театрального «чучхе»: не «зазерняйся» до конца, не сливайся с персонажем, храни дистанцию. Проще говоря: играй! В том числе и с маской «государственного артиста».

Он воплощал лучше всех таинственную и влекущую человека силу власти, радость власти и упоение властью. Но с той же точностью он играл разрушительную для человека причастность к гибельной силе. Он портретировал Ричарда III как извращенное ничтожество, имея перед глазами родные примеры. В «последние дни» советской империи он успел сыграть Цезаря в «Мартовских идах», напророчив многое из того, что свершилось потом. В новейшие времена он заново истолковал Сталина («Мастер-класс»), подтвердив некоторые важные догадки о природе актерского дела.

Характерный артист Михаил Чехов предлагал отыскивать «воображаемый центр» в любой роли. Он может быть в груди, в голове, в любой части тела или даже вне его. «Воображаемый центр» кремлевского горца Ульянов отыскал в небесах. Вождь народов и друг всех артистов не раз замирал, выключался из реального времени и сосредоточивался на какой-то своей горящей точке. Измываясь над Шостаковичем и Прокофьевым, бывший тифлисский семинарист ваньку валял, личинами играл, пытаясь что-то доказать своему извечному противнику. Для победы над Всевышним ему были нужны не просто чьи-то души, но именно души Шостаковича и Прокофьева. Вот уж тогда действительно победа...

И Сталин, сыгранный у Виктюка, и Ленин, сыгранный в спектакле Стуруа, обозначили новые возможности Ульянова как характерного артиста. Он позволил себе игру с маской, к которой его прикрепили. Выходы за пределы маски опасны. Возник чуть ли не государственный скандал, когда Стуруа поставил Ильича на колени перед Троцким: кажется, даже генсек просил Ульянова не делать этого не санкционированного каноном жеста. Впрочем, никакие самые отчаянные мизансцены уже ничего не решали. Хоронили советскую эпоху, начинались новые времена. Художественный руководитель Театра имени Вахтангова оказался в эпицентре событий. В 1986 году он стал руководителем вновь образованного Союза театральных деятелей. Маску главного социального героя державы пришлось подтверждать не на сцене, но в самой жизни.

«Я не знаю, что мне делать»

Весной 1991 года, в пасхальные дни, Ульянов репетировал Цезаря. События вокруг театра напоминали ситуацию конца Римской империи. Пахло кровью. Горбачев, посмотрев спектакль, спросил вахтанговского Цезаря: «Ты, что, предвещаешь мне такой финал?»

В те же дни Ульянов вел дискуссию с грузинскими коллегами. Возбужденные до предела актеры и режиссеры, перебивая друг друга, рассказывали о том, что происходит в Южной Осетии. Они пришли к Ульянову, как в пьесе Брехта две женщины приходят к мудрому судье Аздаку, чтобы тот разрешил их спор. Грузины клялись в том, что умрут как один, но ни сантиметра своей земли не отдадут. А две осетинские актрисы-беженки готовы были поклясться на крови, что никогда не дадут осквернить землю своих предков. И те, и другие приводили факты зверств, которых не сыщешь даже в анналах римских историков. В пасхальные дни артисты рассказывали о том, как христиане выжигают деревни, вырезают детей, обливают бензином мужчин, кастрируют их и режут на куски. Кто-то кричал, что только тогда придет избавление, когда рухнет вся эта проклятая империя; и кто-то возражал, что не хочет обретать свободу под обломками. Под обломками воли не бывает. И все вопли, истерики и проклятия обращались к русскому артисту, слова которого должны были что-то решить, раз — решить. Они обращались не к человеку — к маске. Ульянов в течение нескольких часов эту маску героически держал, молчал, слушал и только иногда затравленно озирался. И когда он начал говорить, то непроизвольно, может быть, по чисто актерской инерции, обронил фразу, которую в «Мартовских идах» будет произносить его Цезарь:

— Я не знаю, что мне делать...

Наверное, он разочаровал тогда обезумевших людей. Для меня он открылся заново. Не было никакой маски, ничего танкоподобного и генеральского. А было истерзанное и дорогое лицо человека, который прожил жизнь в нашей стране, видел многое, понял многое, сыграл многое, но помочь не может. Важные человеческие секунды Ульянова.

Такие секунды частенько возникают, когда разговор заходит о судьбе репертуарного театра вообще и вахтанговского в частности: «По большому счету весь существующий стационарный театр надо резко реформировать или даже разрушить. Но разрушить его можно с кровью, а можно без крови. Вот моя задача — сделать так, чтоб без крови». Театр на Арбате для него не место службы. Это его участь и пожизненный крест. Он терпеливо несет его и верит. Ведет театр так, как мужик ведет большое убыточное хозяйство. Едоков — тьма, работников — мало. Надо перетерпеть, переждать, не развалить семью, не дать разрушить или разворовать нажитое предками. Ульянов не разрушитель, он — созидатель, собиратель, если хотите. Он даже фамилию свою возводит к «улью», и в этом его главное отличие от однофамильца из Симбирска. «Чтоб без крови».

Ульянова не покидает спасительный юмор, который все чаще направлен на тему проходящей жизни. Неизбежное он приемлет, не обсуждая. «Люди моего поколения соскакивают, как с поезда, в пустоту», — одно из его недавних сравнений. На вечере памяти Ефремова (они оба — из 1927-го, последнего года, который не подлежал призыву) Ульянову пришлось говорить о друге, который уже соскочил в ту самую пустоту. Он сказал положенные ритуальные слова, потом выдержал паузу и вдруг необыкновенно просто, если хотите, буднично, произнес слова совсем не ритуальные: «Скучно без тебя, Олег».

Михаил Александрович, держитесь! Не соскакивайте с этого самого поезда. Ведь без Вас будет совсем скучно!

Пока Ульянов рядом — есть ощущение равновесия, надежности, опоры. Не одного театра, а всего нашего потрепанного и оскудевшего театрального хозяйства. Государственный артист? Да нет, просто корневой человек. Коренной человек из сибирской деревни Тара, отработавший полвека государственным артистом страны.

P.S. Михаил Александрович отменил свое чествование в театре. Не знаю, как вам, а мне этот жест кажется замечательным и подражания достойным.

Михаил УЛЬЯНОВ, народный артист:

— Интервью я давно не даю. Всякое интервью — это о себе. А о себе говорить не хочу. Даже для «Известий» не стану. Я вообще прохладно отношусь к юбилеям. Еще допускаю юбилей театра, но собственный юбилей... О чем говорить? Частная моя жизнь интересна только мне и моим самым близким. Что бы ни сказал о них — все равно это будет и обо мне. А я ничего сверх положенного здесь не сотворил. Только то, что написано на роду.

Если же говорить про театр — про Театр ли Вахтангова или про Театр как явление в нашей жизни, — это опять же будет о себе, поскольку театр — моя жизнь, для меня он никогда не существовал без меня самого. И я не хочу, чтобы меня отделяли от прожитой жизни или, наоборот, слишком привязывали к профессии. При любом повороте я должен что-то вспоминать, кого-то ставить рядом с собой, кого-то, может быть, и обидеть. И это будет, повторяю, разговор не столько о них, сколько о себе. Вот чего мне как раз и хочется избежать. За долгий путь в театре и кино я, пожалуй, все сказал. Взгляды мои известны. Тем более что впереди еще столько всякого...

ВИКТОР СМОЛЬЯНИНОВ

Михаил Ульянов не любит торжеств, но охотно участвует в капустниках